

ОБЪЕКТЫ В ПОИСКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ:

Рец. на кн.: ANNA BIGELOW (ed.).

ISLAM THROUGH OBJECTS.

N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 264 p.

Глеб Дмитриевич Стукалин

Рурский университет в Бохуме, Центр религиозных исследований (CERES)

90a Университетштрассе, Бохум, Германия

glebstukalin@gmail.com

А н н о т а ц и я : Новый сборник под редакцией Анны Бигелло расширяет методологию материального подхода к религии за счет пристального взгляда авторов на различные аспекты жизни мусульман. Под одной обложкой собраны статьи признанных специалистов в своих областях. Каждая статья является законченным высказыванием на отдельную тему (история, архитектура, нумизматика, искусствоведение, *environmental studies* и др.), а фокус может быть сделан как на примере из самого сердца мусульманского мира (Мекка), так и на примерах, которые принято считать периферийными или даже маргинальными (историческая Гранада, Верхняя Волта, американская «Нация ислама»). По тому, насколько велик разброс между темами статей сборника, можно судить о том, что *material religion* как отдельная область знания находится еще только на стадии формирования. В рецензии делается неутешительный вывод о том, что междисциплинарный подход авторов заходит в тупик, поскольку в сборнике не заданы общие рамки и концепции: ссылаясь на Ибн Араби, редактор провозглашает максимальную свободу в выборе темы исследования («любой предмет является исламским постольку, поскольку воплощен силой знания Творца»). Таким образом, под одной обложкой оказываются собраны материалы об индийских талисманах, йеменских монетах, американских нагрудных значках и гранадском водопроводе — и все эти темы по-прежнему объединены рамкой религии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ислам, материальная религия, объектно-ориентированная антропология.

Д л я с с ы л о к : Стукалин Г. Объекты в поиске интерпретаций: Рец. на кн.: Anna Bigelow (ed.). *Islam through Objects*. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 264 p. // *Антропологический форум*. 2022. № 55. С. 342–354.

d o i : 10.31250/1815-8870-2022-18-55-342-354

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/stukalin.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2022, NO. 55

OBJECTS IN SEARCH FOR INTERPRETATION:

A Review of ANNA BIGELOW (ed.), ISLAM THROUGH OBJECTS.

New York: Bloomsbury Academic, 2021, 264 pp.

Gleb Stukalin

CERES, Ruhr Universität Bochum

90a Universitätsstraße, Bochum, Germany

glebstukalin@gmail.com

Abstract: The new collection, edited by Anna Bigelow, expands the methodology of the material approach to religion through the authors' close look at various aspects of Muslim life. Under the cover one can find articles by researchers of substantial expertise in their fields. Each article represents a statement on a separate topic (be it history, architecture, numismatics, art history, environmental studies, etc.). The works highlight both examples from the very heart of the Muslim world (Mecca), as well as cases that are considered to be peripheral or even marginal (historic Granada, Upper Volta, the American Nation of Islam). Given such large gaps between the topics of the articles in the collection, one may conclude that material religion as a separate field of knowledge is still at the stage of formation. The review draws a disappointing conclusion that the authors' interdisciplinary approach comes to a standstill, since the collection does not set a general framework and concepts. Referring to Ibn Arabi, the editor proclaims maximum freedom in choosing a research topic ("any subject is Islamic insofar as it is embodied by the force of the knowledge of the Creator"). Thus, materials on Indian talismans, Yemeni coins, American pins, and the Granada water system are collected under one cover—and all these topics still pretend to be united by the frame of religion.

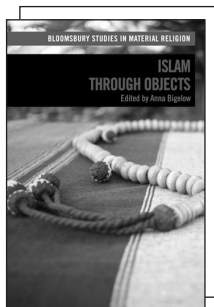
Key words: Islam, material religion, object-oriented anthropology.

To cite: Stukalin G., 'Objects in Search for Interpretation: A Review of Anna Bigelow (ed.), *Islam through Objects*. New York: Bloomsbury Academic, 2021, 264 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 55, pp. 342–354.

d o i : 10.31250/1815-8870-2022-18-55-342-354

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/stukalin.pdf>

Рец. на кн.: Anna Bigelow (ed.). *Islam through Objects*. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 264 p.

Новый сборник под редакцией Анны Бигелу расширяет методологию материального подхода к религии за счет пристального взгляда авторов на различные аспекты жизни мусульман. Под одной обложкой собраны статьи признанных специалистов в своих областях. Каждая статья является законченным высказыванием на отдельную тему (история, архитектура, нумизматика, искусствоведение, *environmental studies* и др.), а фокус может быть сделан как на примере из самого сердца мусульманского мира (Мекка), так и на примерах, которые принято считать периферийными или даже маргинальными (историческая Гранада, Верхняя Вольта, американская «Нация ислама»). По тому, насколько велик разброс между темами статей сборника, можно судить о том, что *material religion* как отдельная область знания находится еще только на стадии формирования. В рецензии делается неутешительный вывод о том, что междисциплинарный подход авторов заходит в тупик, поскольку в сборнике не заданы общие рамки и концепции: ссылаясь на Ибн Араби, редактор провозглашает максимальную свободу в выборе темы исследования (любой предмет является исламским постольку, поскольку воплощен силой знания Творца»). Таким образом, под одной обложкой оказываются собраны материалы об индийских талисманах, йеменских монетах, американских нагрудных значках и гранадском водопроводе — и все эти темы по-прежнему объединены рамкой религии.

Ключевые слова: ислам, материальная религия, объектно-ориентированная антропология.

Объекты в поиске интерпретаций

В издательстве “Bloomsbury” вышел новый сборник “Islam through Objects”, посвященный бурно развивающейся в последние годы теме — материальности религии (*material religion*). В него вошли двенадцать статей (или скорее эссе), посвященных тем или иным предметам, существующим в исламской среде: они сделаны мусульманами, они используются мусульманами, они несут для ислама символическую ценность. Как говорит в предисловии составительница сборника Анна Бигелу, профессор антропологии религии в Стэнфордском университете, «результаты многих исследований показывают, что иконофобия и категорическая антипатия к любым формам материального посредничества в исламе преувеличена <...>. Однако предстоит еще проделать большую работу, чтобы определить место соматического и объектно-ориентированного подходов в исламоведении, и данный сборник — часть этих усилий» (Р. 2). Составительница

Глеб Дмитриевич Стукалин

Рурский университет в Бохуме,
Центр религиозоведческих
исследований (CERES),
Бохум, Германия
glebstukalin@gmail.com

установила максимально широкие рамки для участников проекта (сама идея сборника появилась после проведения конференции, посвященной материальности ислама): «Что позволяет считать предмет исламским? Для Ибн Араби, одного из самых изящных и самобытных мыслителей своей, да и любой другой эпохи, наиболее очевидный ответ — любой предмет является исламским постольку, поскольку воплощен силой знания Творца о божественной сотворенности этого предмета. Вся вселенная является знаком (аятом) силы Творца» (Р. 1).

Говоря о материальности ислама, как мне кажется, необходимо хотя бы пунктирно наметить ответы на три вопроса: что такое ислам, что такое материальность, что такое материальность ислама. Само собой разумеется, что ответы не будут претендовать на постулирование истины, однако могут быть полезны для очерчивания рамок, в которых авторы сборника могли бы дискутировать о месте предмета в исламском мире. Анна Бигеллоу, ставя эти вопросы в предисловии, отказывается давать свои варианты ответов и оставляет авторам сборника простор для интерпретаций, не ограничивая их ни в чем. Сборник служит чем-то вроде камеры с широкоформатным объективом: сюда попадают любые предметы, технологии, сооружения, к созданию и использованию которых приложили руку люди, именовавшие себя мусульманами. Среди тем встречаются такие неожиданные, как использование нагрудных значков членами «Нации ислама» и Пятипроцентниками¹, нумизматика Омана, средневековая водопроводная система Гранады. Если рамки обозначены так широко — существуют ли они вообще?

Поиск ответа на вопрос «что такое ислам?», конечно, давно уже стал бессмысленным. Основные существующие стратегии были обозначены и подвергнуты критике Талалом Асадом еще в 1986 г. (см. русский перевод: [Асад 2017]). За прошедшие сорок лет формирование больших теорий перестало быть актуальным занятием для антропологов. Неудивительно, что современные авторы, пишущие об исламе, стараются избегать каких бы то ни было определений границ религии, поскольку на любое обоснование найдется контрпример, а на каждую идею — обви-

¹ «Нация ислама» — движение за права черного населения в США, зародившееся в 1930-е гг. Его идеологи стали проповедовать идеи ислама как религии, наиболее подходящей чернокожему населению Америки, а также идеи черного сепаратизма. При этом творчески понятые основы мусульманской религии значительно отличались от любой из более «традиционных» ветвей ислама. Наиболее известные руководители и активисты «Нации ислама» — Фард Мухаммад (основатель движения), Элайджа Мухаммад (его преемник), Малькольм Икс, Мухаммад Али. Движение пережило ряд расколов. Пятипроцентники (одно из отколовшихся направлений) в своей идеологии еще более радикализировались и значительно дальше ушли от мейнстримного ислама. Нагрудные значки, которым посвящена одна из статей рецензируемого сборника, служат распространенным средством политического высказывания в США.

нение в эссенциализме от оппонентов. Старое предложение Талала Асада (который, по сути, предлагает называть мусульманином того, кто приобщен к мусульманской традиции, что бы под этой традицией мы ни понимали) остается актуальным. Формулировка Асада, если задуматься, очерчивает некоторые умозрительные границы для понимания того, что позволительно называть исламом. Авторы сборника стараются максимально раздвинуть эти границы и обращаются к примерам, которые могут показаться маргинальными. Это, безусловно, дополнительное достоинство сборника, ведь пограничные примеры позволяют протестировать границы ислама. Методы Фредерика Барта, перенесенные в область изучения религиозных сообществ, позволяют ставить сложные вопросы. Является ли исламом движение Пятипроцентников, которые выделились из «Нации ислама» и объявили о существовании собственных пророков (им посвящены две статьи сборника)? Что делать с индийскими индуистами и христианами, которые обращаются за помощью к мусульманским хилерам¹? Они, индуисты и христиане, разбираются в местной исламской традиции и частично в ней социализированы, но очевидно не считают себя мусульманами (этой темы вскользь касается Джойс Буркхальтер Флюкегер в эссе, посвященном мусульманским талисманам). Можно ли считать мусульманскими монеты султаната Оман или воду из андалузийского водопровода, которыми пользуются все участники регионального рынка или жители города независимо от их вероисповедания? Хочется увидеть рассуждения на этот счет, но Анна Бигеллоу и остальные участники сборника предпочитают это не комментировать.

Тема материальности религии, возникшая в рамках материального поворота в западной антропологии три десятилетия назад, в последнее время лишь набирает силу, особенно в части исследований *Pax Islamica*. По сравнению с работами, посвященными христианскому миру, исследований материальности ислама пока не так много. Однако этот разрыв стремительно сокращается. В центральном для этого исследовательского направления журнале “Material Religion” и других изданиях к настоящему времени вышло множество статей, посвященных различным объектам, важным для выражения религиозного чувства в исламе, например: [Saramifar 2018; Evolvi 2019; Аброськина 2021]. Аннелис Мурс рассматривает изменение мусульманских повседневных практик, связанное с увеличением роли потребительской экономики и консьюмеризма [Moors 2012]. Однако большинство авторов, работающих в русле material

---

¹ В статье я использую слово «хилер» как зонтичный термин, имея в виду целителей и религиозных специалистов, лечащих с помощью набора молитв, ритуалов и изготовления талисманов.

religion, как правило, рассматривают отдельные объекты, связанные с мусульманской (само)идентификацией и репрезентацией. Как станет видно из дальнейшего обсуждения рецензируемого сборника, в этом отношении его авторы идут гораздо дальше.

Декларируя отказ от поиска единых стройных методологических рамок, которые бы объединили весь материал, участники предпринимают попытку построить методологию обновленной *объектно-ориентированной антропологии* (этот термин, взятый из сферы цифровых технологий, кажется для сборника немного более удачным и подходящим, нежели «материальность религии»), отталкиваясь каждый от своего предмета и окружающего его контекста. Эту задачу каждый автор решает принципиально новым образом (или же уклоняется от ее решения). Часть исследований построены по принципу классического «насыщенного описания», где автор извлекает смыслы и связи с самыми разными контекстуальными пластами культуры, взяв за начальную точку отсчета небольшую деталь — предметы школьного быта, головной убор, нагрудный значок. Другие исследования представляют экскурс в историю возникновения того или иного предмета или практики. Есть статьи с уклоном в нумизматику, искусствоведение, богословие или историю дизайна — так, по задумке составительницы, может быть достигнута синергия междисциплинарного подхода. К сожалению, я не могу утверждать, что эта стратегия принесла плоды, поскольку статьи сборника, отобранные по такому принципу, практически никак не перекликаются и не имеют пересечений друг с другом.

По какому принципу выстраивается композиция сборника? Сама Анна Бигеллоу посвятила себя изучению южноазиатского ислама. Как исследователь, работающий в том же или смежном поле, могу сказать, что красочный и увлекательный мусульманский мир Индии и Пакистана оставляет глубокие отпечатки на мировоззрении любого, кто занимается его изучением (это особенно заметно по опыту одного из авторов сборника, Скотта Кугля: после многолетних полевых исследований он сам обратился в ислам и стал членом суфийского братства Чиштиий, т.е., по сути, полноценным инсайдером). Форма, которую выбрала Бигеллоу для сборника, показалась мне неслучайной: подобно популярным схемам духовного продвижения в суфизме¹, книга разделена на четыре части с тремя эссе в каждой. В про-

¹ Суфийские мыслители разработали несколько схем духовного пути, все они, как правило, построены на символике чисел. Самые распространенные включают в себя семь, сто, три или же четыре ступени. В частности, четырехчастная схема, распространенная в Южной Азии, включает в себя *шариат* (следование законам ислама), *тарикат* (следование наставлениям учителя), *хакикат* (прозрение об устройстве мира) и *маарифат* (достижение абсолютного знания о Господе).

цессе чтения читатель двигается от образов предметов (“Tracing Images”) к самим объектам в их культурных контекстах (“Identifying Objects”) и непосредственных религиозных практиках (“Objects in Practice”) и далее к целым ассамбляжам предметов и субстанций и их траекториям (“Circulatory Systems”).

Открывает сборник отнюдь не мейнстримная тема: Кайла Рене Уилер рассматривает эволюцию униформы женской ветви «Нации ислама». Подробное описание изменений в сочетании с развернутой биографией лидеров движения проясняет связь униформы с идеологией движения, которая также претерпевала значительные трансформации на протяжении периода расцвета — в 1950–1980-х гг. В зависимости от взглядов глав движения образ женщины в «Нации ислама» смещался от роли активистки и рекрутера к более консервативной модели, в рамках которой женщина отвечала за целостность и благочестие своей семьи. Униформа была частью сложного комплекса телесного дисциплинирования и отражала эти взгляды. Наверное, излишне говорить, что для восточноевропейского читателя само включение «Нации ислама» в собственно мусульманский контекст может оказаться не самоочевидным, несмотря на кричащее название организации, — сказываются безусловно стереотипные ориентальные представления об исламе и Востоке, в которые радикальное социально-религиозное движение за права чернокожих в США плохо вписывается. Авторы сборника, однако, даже не ставят такой вопрос, чем, несомненно, способствуют расширению научной дискуссии и символически дают право голоса самым разным представителям мусульманской религии.

Кристиан Грубер рассматривает один специфический тип изображения пророка Мухаммада (обычно он носит название «Юный Мухаммад» и представляет молодого человека в плаще, тюрбане и с копьем), распространенный на коврах и в печатной продукции эпохи Каджаров (1795–1925). В результате скрупулезного искусствоведческого анализа автор показывает, что этот иконографический образ заимствован из литературы французских масонских лож времен Третьей Республики, и дает читателю возможность оценить, насколько сложными и интенсивными культурными и экономическими связями был опутан мир даже в XIX столетии.

Ричард Макгрегор изучает вопрос, как изображения сандалий пророка становились самостоятельными реликвиями на Ближнем Востоке. Этот материал крайне интересен тем, как социальное вторгается в замкнутый мир средневековых переписчиков книг и наделяет статусом сакрального объекта даже учебные рисунки. Копия копии, причем не предмета, а изображения

предмета, в ряде врачебных практик вдруг приобретает исцеляющую силу в сочетании с правильно подобранными молитвами. Макгрегор привлекает для интерпретации ашаритскую теологическую традицию, напрямую сравнивая копирование с творением человека Господом, как его представляет себе мусульманская богословская мысль.

Вторая часть книги (“Identifying Objects”) сфокусирована на более осязаемых предметах. Майкл Мухаммад Найт еще раз возвращает нас к американскому движению за права чернокожих в XX в., описывая, как нагрудные значки, популярные во всей американской политической культуре, используются среди членов «Нации ислама» и движения Пятипроцентников. Значки для лацканов были призваны показывать статус их носителя в иерархической системе религиозно-политического движения, но такой «чистый» подход столкнулся с результатами коммерческой деятельности и популяризации собственного бренда, что породило немалые конфликты внутри обоих движений.

Усман Мурзик Кобо рассказывает примечательную историю нескольких ответвлений братства Тиджанийя в Верхней Вольте (ныне Буркина-Фасо). В обширном экскурсе в колониальную историю он отталкивается от социальных траекторий молитвенных четок. В относительно короткий исторический период значимыми оказались две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, французские власти в классической колониальной логике стремились классифицировать и обозначить одни общественные группы как лоялистов, а другие — как возмутителей спокойствия и борцов с колониальным режимом, пусть даже таковых могло и не быть в наличии. С другой стороны, наиболее влиятельные суфийские группы расходились друг с другом во мнении по вопросам отправления некоторых религиозных практик, что выражалось визуально — в разном количестве бусинок на четках (как считает автор, большинство суфийских шейхов не видело во французских властях противника или же не видело возможностей для сопротивления). Столкновение этих факторов привело к неожиданным результатам. Колониальные администраторы, проведя классификацию суфийских братств, пришли к выводу, что число бусинок на четках напрямую связано с лояльностью режиму. То, как в одной-единственной «лишней» бусинке сходятся религиозная идентичность, приспособление угнетенных групп к репрессивному государственному аппарату и политический активизм, поражает воображение и дает богатый материал для размышления.

Уже упоминавшийся Скотт Кугль написал очерк о четырехсторонних шапках (*кулахах*) суфийского братства Чиштийя и их метафорическом значении. В этом небольшом изящном труде,

однако, автор проявился не как исследователь социального, а как практикующий суфий. Последовательно излагая многочисленные богословские и поэтические коннотации, связанные с головным убором, Кугль лишь вскользь касается вопроса *кулаха* как средства самоидентификации и объекта агрессии противоборствующих групп. Его в большей мере интересует доктрина братства, а не социальные аспекты обсуждаемого явления.

Авторы третьей части сборника (“Objects in Practice”) обращаются к практикам, в которых непосредственно задействованы предметы. Очерк Марка Суало, посвященный значению свечей в ритуале турецкого суфийского братства Бекташийя, на первый взгляд напоминает предыдущий материал Кугля. Автор проясняет сеть метафор, связанную со светом свечи, и перебирает цитаты из Корана и Сунны, трудов одного из основателей братства Хаджи Бекташа (1209–1271) и стихотворений турецких поэтов. Однако при этом он уделяет гораздо больше внимания конкретным действиям участников суфийского моления и раскрывает метонимию, с помощью которой горящая или, наоборот, погашенная во время ритуала свеча актуализирует все пространство смыслов божественного.

Статья Джойс Флюкигер посвящена тому, как протекает процесс лечения у хилера в южноиндийской мусульманской традиции. На красочном полевого материале (большинство терминов, с которыми автор работает в тексте, взяты из прямой речи информантов) она демонстрирует, что успех применения *таавиза* (исламского талисмана) зависит не только и не столько от правильно совершенного ритуала и соблюденной внешней формы сакрального предмета (которая, безусловно, остается важной составляющей), сколько от личной харизмы хилера. При изготовлении *таавиза* хилер вкладывает в него силу письменного слова, высоко ценимого в мусульманской культуре, призывает на помощь нечеловеческих существ (джиннов или ангелов), но для самого пациента уверенность в действенности этого лечебного средства проистекает из доверия к авторитету хилера.

Статья Омара Бума интересна сразу в нескольких отношениях. Бум описывает, восстанавливая по воспоминаниям потомков и архивным материалам, биографию Бакки (ум. в 1945), первого чернокожего выпускника коранической школы при суфийской *завии* (центре суфийского братства) на юге Марокко. В статье прослеживается, как обучение в коранической школе и допуск к проповеднической деятельности стали для приобретенного на базаре мальчика-раба условиями для быстрого подъема по социальной лестнице, что повлекло за собой общее

расширение прав *харатин*, общины чернокожих рабов. Однако в общем контексте сборника для автора важнее оказывается не история деколонизации, а вторая составляющая этой биографии — основная педагогическая практика марокканских коранических школ, а именно мнемоническое записывание аятов на деревянных воощенных табличках. Ученики будто бы обучаются создавать средства продолжения, распределения собственной личности, вторичных агентов, которые будут в дальнейшем действовать как самостоятельные нечеловеческие агенты, но опираясь на авторитет создателей, являясь частью их «распределенной личности» [Gell 1998: 20–22]. Учитель далеко не сразу дает ученику возможность пользоваться табличками, многократные повторения дисциплинируют тело и разум ученика, а сама табличка будто становится продолжением его личности, без которой ему сложно представить самого себя. Особо удачные, по мнению учителей, таблички могут стать семейной реликвией, символизируя достижения ученика.

Наконец, четвертая часть объединяет три исследования, посвященных тому, что можно в большей мере назвать субстанцией, а не предметом: денежной системе йеменского государства Расулидов, истории строительства системы водоснабжения Гранады и современным событиям, связанным с обустройством источника Замзам в Мекке. Финансы и вода, текучие субстанции в более или менее закрытой системе — это и правда неплохая метафора «кровеносной системы» (“Circulatory Systems”).

Первые две статьи в этом разделе слабо связаны с общей темой сборника. Перед читателем оказываются материал по нумизматике, прослеживающий историю появления изображения рыбы на йеменских монетах, и статья об истории постройки одного из подземных резервуаров испанского города во времена мусульманского владычества. Нумизматический материал полностью посвящен разбору отношений йеменских султанов с властью халифа и экономикой Индийского океана. Но, несмотря на его кажущуюся подробность и детализированность, остается непроясненным вопрос, является ли в конечном итоге пара рыб символом власти султана или знаком определенного города, где располагался монетный двор, — а с этого символа статья, собственно, и началась. Гораздо интереснее рассуждения автора об экономической борьбе Йемена и Египта на региональных рынках (что выражалось в конкуренции между циркулировавшими на них легкими, но качественными йеменскими дирхамами и тяжелыми, но с большим количеством примесей в серебре египетскими монетами) и оговорка, что, несмотря на богатый сохранившийся архивный материал, невозможно однозначно заключить, в каких именно экономических сферах использовались физические носители стоимости.

Вторая статья заключительного раздела также имеет большее отношение к истории архитектуры, нежели к изучению материальности религии. Она интересна в основном ходом мысли автора, рассуждающего об ускользающей агентности и принадлежности такого (в самом непосредственном смысле текучего) материала, как вода. Как показывают другие знаменитые труды, касающиеся водной инфраструктуры, например «зимбабвийского втулочного насоса» [де Лаэт, Мол 2017] или водоснабжения современного Мумбаи [Anand 2017], через призму водоснабжения легко просматривается все социальное устройство.

Завершает сборник статья Анны Гэйд о воде Замзама, которая вызывает у читателя живой интерес. Автор стремится опробовать энвайронменталистские и деколонизационные методологические приемы на крайне интересном, необычном и важном материале. Сам исследовательский проект посвящен источнику Замзам, а именно его переносу в новое место в 2010 г. Нет нужды говорить, как важна тема воды в религии в целом (научные исследования в этой области давно выделились в отдельную субдисциплину¹), а тем более воды из сакрального источника Замзам. Верующие считают эту воду исцеляющей болезни, а ампулы с ней используются по всему миру в качестве амулетов. Сравнение с Замзамом служит для похвалы качеству воды во всем мире. На дагестанском материале известно, как метафорическое сближение локального места паломничества с Замзамом и другими местами, включенными в маршрут хаджа (точки паломнического маршрута на дагестанскую гору Шалбуздаг называются так же, как и точки хаджа в окрестностях Мекки), может служить обоснованием святости того или иного места².

В 2010 г. власти Саудовской Аравии пошли на беспрецедентный шаг, для того чтобы обеспечить все возрастающий поток паломников чистой питьевой водой в достаточном количестве: первоначальный выход воды Замзама был замурован, и новую скважину пробурили в нескольких километрах от Каабы. Конечно же, властям необходимо было провести широкую разъяснительную работу с обращением к самым разным аргументам и риторическим приемам, чтобы придать этой инженерной операции должную легитимность в глазах верующих.

---

¹ См., например: [Chamberlain 2007] или [Shaw, Francis 2014].

² Например, некоторые атрибуты хаджа в последние годы приобрело древнее святилище на горе Шалбуздаг на юге республики. По пути вверх паломники бросают камни в нишу в скале, отгоняя шайтана (в Мекке паломники бросают камни в специальные столбы и стены во время ритуала *джамра*), и набирают воду в озере с талой водой, которое в последнее десятилетие начало именоваться Замзам. Кроме этого, во время восхождения нужно протиснуться в щель между камнями, что сравнимо с прохождением душой моста Сират [Гусенова 2013].

Автор материала задается сложными вопросами о социальности воды, об условиях, в которых вода Замзама начинает определенным образом «работать» и обретает свою специфическую агентность, о противоречивых представлениях мусульманского общества о доступности и особенностях воды. В итоге получилось блестящее исследование, которому явно не хватило места в сборнике. На мой взгляд, Анна Гэйд не задала своему материалу еще нескольких вопросов, которые направили бы исследование в совершенно новое русло, крайне интересное и малоисследованное. Во-первых, нераскрытым осталось соотношение представлений о справедливом и бережном использовании воды Замзама и о частных предпринимательских интересах (власти запрещают паломникам увозить с собой больше нескольких литров святой воды и использовать ее для продажи, при этом амулеты с водой Замзама появляются на торговых интернет-площадках). Во-вторых, отдельной статьи заслуживает способ риторического обращения к позитивистской науке для легитимации того или иного политического шага, связанного с водой из источника. Так, западные эксперты регулярно предупреждают о том, что в составе воды Замзама превышено содержание потенциально вредных веществ. Представители саудитов отвечают, что лаборатория регулярно берет пробы воды, чтобы выявить возможное содержание вредоносных бактерий, а минералы создают уникальный химический состав воды и служат подтверждением ее подлинности. Другой еще более яркий пример обращения в, казалось бы, сугубо религиозном вопросе к средствам позитивистской науки: при переносе скважины власти королевства особенно упирали на то, что водозабор из новой скважины осуществляется «из того же водного горизонта», из которого выходил на поверхность старый источник, — и таким образом приравнивали новый Замзам к старому, расширяя умозрительные границы святого источника до всего подземного водоема площадью в сотню квадратных километров.

Таким образом, статьи в рецензируемом сборнике сильные и проработанные. Их хочется читать и обсуждать, а сам сборник определенно обогащает научное знание. При этом невозможно не заметить и существенный недостаток, связанный со своеобразным способом работы в русле материальной религии: авторы не стали обрисовывать практически никаких рамок, которые были бы общими для сборника. Такое расширение границ ведет к их полному стиранию, так что издание можно было бы привязать к любой другой теме в рамках исламоведения и антропологии религии или же не привязывать вовсе. Объединив в себе сильные работы известных авторов, сборник тем не менее не производит впечатления цельного.

Библиография

- Аброськина Е.В. Сэфсэри Туниса как актор культурной памяти // Кунст-камера. 2021. № 1(11). С. 118–129. doi: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-118-129.
- Асад Т. Идея антропологии ислама // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 41–60. doi: 10.24848/ismlmg.07.1.02.
- Гусенова Д.А. Шалбуздаг — исламская святыня Дагестана: аргументы «за» и «против» // Исламоведение. 2013. № 2. С. 76–83.
- де Лаэз М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 171–232. doi: 10.22394/0869-5377-2017-1-171-228.
- Anand N. Hydraulic City: Water and the Infrastructures of Citizenship in Mumbai. Durham, NC: Duke University Press, 2017. XVI+296 p.
- Chamberlain G.L. Troubled Waters: Religion, Ethics, and the Global Water Crisis. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007. XIII+227 p.
- Evolvi G. The Veil and Its Materiality: Muslim Women's Digital Narratives about the Burkini Ban // Journal of Contemporary Religion. 2019. Vol. 34. No. 3. P. 469–487. doi: 10.1080/13537903.2019.1658936.
- Gell A. Art and Agency: An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon Press, 1998. XXIV+271 p.
- Moors A. Popularizing Islam: Muslims and Materiality — Introduction // Material Religion: The Journal of Objects, Art and Belief. 2012. Vol. 8. No. 3. P. 272–279. doi: 10.2752/175183412X13415044208754.
- Saramifar Y. Objects, Object-ness, and Shadows of Meanings: Carving Prayer Beads and Exploring Their Materiality alongside a Khaksari Sufi Murshid // Material Religion: The Journal of Objects, Art and Belief. 2018. Vol. 14. No. 3. P. 368–388. doi: 10.1080/17432200.2018.1487765.
- Shaw S., Francis A. (eds.). Deep Blue: Critical Reflections on Nature, Religion and Water. L.; N.Y.: Routledge, 2014. XVIII+309 p.

**Objects in Search for Interpretation:
A Review of Anna Bigelow (ed.), *Islam through Objects*.
New York: Bloomsbury Academic, 2021, 264 pp.**

Gleb Stukalin

CERES, Ruhr Universität Bochum
90a Universitätsstraße, Bochum, Germany
glebstukalin@gmail.com

The new collection, edited by Anna Bigelow, expands the methodology of the material approach to religion through the authors' close look at various aspects of Muslim life. Under the cover one can find

articles by researchers of substantial expertise in their fields. Each article represents a statement on a separate topic (be it history, architecture, numismatics, art history, environmental studies, etc.). The works highlight both examples from the very heart of the Muslim world (Mecca), as well as cases that are considered to be peripheral or even marginal (historic Granada, Upper Volta, the American Nation of Islam). Given such large gaps between the topics of the articles in the collection, one may conclude that material religion as a separate field of knowledge is still at the stage of formation. The review draws a disappointing conclusion that the authors' interdisciplinary approach comes to a standstill, since the collection does not set a general framework and concepts. Referring to Ibn Arabi, the editor proclaims maximum freedom in choosing a research topic ("any subject is Islamic insofar as it is embodied by the force of the knowledge of the Creator"). Thus, materials on Indian talismans, Yemeni coins, American pins, and the Granada water system are collected under one cover—and all these topics still pretend to be united by the frame of religion.

Keywords: Islam, material religion, object-oriented anthropology.

References

- Abroskina E., 'Sefseri Tunisa kak aktor kulturnoy pamyati' [Tunisian *Sefseri* as an Actor of Cultural Memory], *Kunstkamera*, 2021, no. 1(11), pp. 118–129. doi: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-118-129. (In Russian).
- Anand N., *Hydraulic City: Water and the Infrastructures of Citizenship in Mumbai*. Durham, NC: Duke University Press, 2017, XVI+296 pp.
- Asad T., 'The Idea of the Anthropology of Islam', *Qui Parle*, 2009, vol. 17, no. 2, pp. 1–30. doi: 10.5250/quiparle.17.2.1.
- Chamberlain G. L., *Troubled Waters: Religion, Ethics, and the Global Water Crisis*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007, XIII+227 pp.
- de Laet M., Mol A., 'The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology', *Social Studies of Science*, 2000, vol. 30, no. 2, pp. 225–263. doi: 10.1177/030631200030002002.
- Evolvi G., 'The Veil and Its Materiality: Muslim Women's Digital Narratives about the Burkini Ban', *Journal of Contemporary Religion*, 2019, vol. 34, no. 3, pp. 469–487. doi: 10.1080/13537903.2019.1658936.
- Gell A., *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1998, XXIV+271 pp.
- Gusenova D. A., 'Shalbuzdag — islamskaya svyatynya Dagestana: argumenty "za" i "protiv"' [Shalbuzdag—the Islamic Shrine of Dagestan: Arguments pro et contra], *Islamovedenie*, 2013, no. 2, pp. 76–83. (In Russian).
- Moors A., 'Popularizing Islam: Muslims and Materiality—Introduction', *Material Religion: The Journal of Objects, Art and Belief*, 2012, vol. 8, no. 3, pp. 272–279. doi: 10.2752/175183412X13415044208754.

Saramifar Y., 'Objects, Object-ness, and Shadows of Meanings: Carving Prayer Beads and Exploring Their Materiality alongside a Khaksari Sufi Murshid', *Material Religion: The Journal of Objects, Art and Belief*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 368–388. doi: 10.1080/17432200.2018.1487765.

Shaw S., Francis A. (eds.), *Deep Blue: Critical Reflections on Nature, Religion and Water*. London; New York: Routledge, 2014, XVIII+309 pp.